

УДК 93/94; 327

DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-26-35

ЕЛЕНА ЛИНЬКОВА

«Европа Карла Великого» и «Европа Петра Великого»: отечественные консерваторы о международном положении России в начале XVIII в.

Аннотация. *Международное положение России и ее внешнеполитический курс являлись предметом дискуссий в рамках различных течений общественной мысли XIX в. Но особое внимание данным вопросам уделяли отечественные консерваторы, обеспокоенные судьбами страны в меняющемся мире. В раздумьях и полемике о месте России на мировой арене, о взаимосвязи внешней политики и внутреннего развития происходили зарождение и эволюция консервативной концепции. Особую роль в подобных дискуссиях играло обращение к эпохе Петра Великого, когда Россия стала частью системы международных отношений, заявила о своих геополитических интересах и приступила к их последовательной реализации. Фактически петровское время — это период ломки Вестфальской системы, в которой России была отведена периферийная роль, и становления нового европейского порядка, основанного на конгрессах в Утрехте, Раштатте и Бадене в 1713–1714 гг., на итогах Северной войны 1700–1721 гг. и Ништадтского мира 1721 г. В этих новых условиях Петр I показал не только преемственность с курсом своих предшественников, но и обозначил основные внешнеполитические векторы, которым российское государство следовало на протяжении XVIII и, как считали консервативные мыслители, всего XIX столетия.*

Ключевые слова: консерватизм, международное положение, Петр I, Северная война, Восточный вопрос, славянство, внешняя политика.

В начале XVIII в. Россия буквально ворвалась в Европу, заявив о себе как военная держава, как сильный потенциальный союзник, как страна, обладающая собственными геополитическими целями, которые не сводились лишь к обороне южных рубежей. Петровская эпоха, наследуя опыт и задачи предшествующего века, стала своего рода ключевым этапом в процессе эволюции российского внешнеполитического курса. Модернизация России, предпринятая Петром I и направленная на трансформацию страны, не только привела к существенным изменениям в ее экономическом и социальном развитии, но и способствовала утверждению новой роли российского государства на мировой арене.

Сведения об авторе: Линькова Елена Валентиновна — доцент Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, e.v.linkova@yandex.ru.

Бурная и, порой, революционная деятельность первого российского императора неслучайно стала одной из главных тем общественно-политических дискуссий XIX в. По прошествии столетия можно было объективно взглянуть на преобразования Петра I, проанализировать их предпосылки и основное содержание, дифференцировать результаты и дать им оценку. Данная рефлексия в отношении петровского наследия становится тем более актуальной, что именно в XIX в. происходит формирование основных направлений общественной мысли России, ведется полемика о судьбе страны. Причем споры о национальной идентичности, о схожести или коренном различии российских государственности и культуры с западноевропейскими зачастую ведутся в рамках парадигмы «Россия–Запад» и невольно заставляют обратиться к важной историософской проблеме — взаимодействию российского государства со странами Западной Европы.

В эпоху петровских преобразований трансформация России в активного участника международной повестки обострила многие исторические противоречия, существовавшие между российской и западноевропейской цивилизациями еще во времена Средневековья. Таким образом, обращение консерваторов к правлению Петра I — это, с одной стороны, попытка оценить результативность и основную направленность военной стратегии и внешнеполитического курса первого российского императора, а с другой — возможность проанализировать глубину и истоки противостояния на уровне дихотомии «Россия–Запад».

Отечественные консерваторы XIX в. одними из первых представителей общественной мысли обратились именно к внешнеполитической составляющей эпохи Петра I. Речь идет не только об историософских построениях, но и о том курсе внешней политики, который был инициирован российским императором и достался в наследство его потомкам. Представляется, что обращение к настоящей теме является важной научной задачей, расширяющей рамки исследований не только об эпохе петровских преобразований, но и о содержании внешнеполитической концепции российских консерваторов.

Личная переписка и полемические статьи консервативных мыслителей прошлого составляют обширную базу источников, позволяющую реконструировать внешнеполитические концепции российских консерваторов и выявить их суждения о трансформации международного положения России при Петре I.

В российской и зарубежной исторической науке данная тема не являлась предметом специальных исследований, но затрагивалась в работах историков, которые занимались анализом представлений консерваторов о личности и государственной деятельности Петра I [Репников; Консерватизм в России и мире; Павленко; Хевролина; Русский консерватизм...], а также внешнеполитической концепции консервативных мыслителей XIX в. [Цымбурский Тютчев как геополитик... Линькова Внешнеполитическая концепция... Арсланов, Линькова; Линькова Внешнеполитический курс...] В изучении взглядов отечественных консерваторов на петровскую эпоху приоритет отдавался оценкам внутривнутриполитических преобразований императора. Однако, обращаясь к та-

ким «вечным» для российской внешней политики вопросам, как Восточный, славянский, польский, балтийский, консерваторы искали их исторические истоки и пытались понять, какой вектор международного курса будет наиболее адекватен национальным целям и интересам России. И ответы нередко находили именно в историческом наследии Петра I.

С одной стороны, преобразования первого российского императора вызывали критику в связи с ломкой традиций, европеизацией, калькированием чуждого опыта и ценностей. Однако внешнюю политику Петра I консерваторы в большинстве своем оценивали положительно. Н.Я. Данилевский отмечал, что «в деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т.е. изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства» [Данилевский, с. 318]. Именно консервативные историки и мыслители уже в начале XIX в. впервые обратились к внешнеполитической составляющей петровского правления, а впоследствии рассуждения о внешнеполитическом курсе страны стали неотъемлемой частью консервативного дискурса.

Ранние российские консерваторы — Н.М. Карамзин, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка — размышляли о сближении России с Западом, которое произошло благодаря Петру I. В их время особенно актуальной стала тема противостояния России и западноевропейского мира, что влекло за собой сравнения международной ситуации начала XIX в. с той, что сложилась в начале XVIII в. Например, Ф.В. Ростопчин проводил параллель между Северной войной и войнами против Наполеона, показывая, что в традиции России — давать отпор противнику, какой бы силой он ни обладал. В заочном «споре» с Наполеоном Бонапартом, напоминал Ф.В. Ростопчин, «Карл-то Шведский пожилостей... был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушел без возврата. ...Побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да и тех старики наши так откачали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости» [Ростопчин, с. 148].

В дальнейшем рефлексия консерваторов вокруг изменения международного положения России при Петре I становилась более глубокой. Это было связано как с общей эволюцией отечественного консерватизма, так и с развитием геополитической составляющей консервативного мировоззрения, дифференциацией основных констант внешнеполитических построений консерваторов, включая идею исторического противостояния России и Запада, Восточный, славянский, польский вопросы.

Внешнеполитические доктрины и воззрения отечественных консерваторов XIX в. отличала «многоуровневость» мышления. Речь идет о восприятии действительности как сквозь призму понимания реальной международной ситуации, так и в постоянном «диалоге» с прошлым. Дискуссии консерваторов на внешнеполитические темы — это,

с одной стороны, обсуждение текущих событий и роли России в их развитии, а с другой — историософские, эсхатологические размышления, направленные на постижение места российского государства во всемирном историческом процессе.

В.Л. Цымбурский объяснял подобную особенность восприятия международных событий, свойственную наследию Ф.И. Тютчева, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и других консервативных мыслителей, существованием «геополитического замеса» — неперменной чертой «всей нашей философией культуры и истории». Эта черта связана с характером русской цивилизации, с бесконечным духовным поиском и попытками самоидентификации в рамках «платформ Европы и Азии» [Цымбурский Остров Россия... с. 369]. Именно петровское время стало переломным моментом в процессе такой самоидентификации. В этот период Россия заняла новое место на международной арене, а декларирование исторически сложившихся геополитических задач и начало их реализации обострило противоречия в рамках дихотомии Россия — Запад.

Анализируя положение страны в мире, Ф.И. Тютчев отмечал, что в начале XVIII в. «рука исполина сдернула завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европой Петра Великого» [Тютчев, т. 3, с. 118]. Мыслитель говорил не просто о взаимном открытии России и Западной Европы, а о том, что петровская Россия заявила о себе как о равноправной силе, воплощающей то же европейское начало, только восточное. Тютчев доказывал, что на европейских пространствах существуют как минимум две культурно-религиозные ойкумены: первая, вышедшая из римского наследия, — Западная Европа и вторая, основанная на византинизме, славянстве, православии, — Восточная Европа, центром и опорой которой является Россия.

При Петре I Россия начинает отстаивать данное право — называться Второй Европой, объединять народы, тяготеющие к ней этнически и религиозно. Судьба Восточной Европы с тех пор станет важнейшей темой международной повестки как XVIII, так и XIX столетий. Военный историк, генерал-майор Р.А. Фадеев, сторонник панславизма, отмечал, что в обсуждении будущего Восточной Европы и в утверждении прочного положения России в этом регионе «заключается мировая историческая задача» [Фадеев, с. 369] российского народа.

Геополитическая проблема Восточной Европы была тесно связана со славянским вопросом, ставшим релевантным, по мнению М.П. Погодина, именно в петровское время. Во внешнеполитическом курсе Петра I вряд ли можно выделить славянское направление, однако М.П. Погодин обращал внимание на то, что к российскому царю часто обращались «христианские... обитатели» турецких провинций, призывая «избавить их от мусульманского ига и предлагали ему свое подданство» [Погодин, с. 322]. Схожую мысль высказывал и В.И. Ламанский, писавший, что «с появлением на северо-востоке колоссальной фигуры Петра Великого» стало «понемногу подниматься» славянское движение [Ламанский, с. 280]. Именно с петровского времени, по мысли Ламанского, началось расширение присутствия России на Балканах, укрепление ее положения в славянском мире. Христианские народы не только Османской империи, но и Австрии

увидели в российском императоре «не просто великого человека или государя, а великого царя славянского, домина императора, Василевса христианского, главу новой Восточной империи, вождя греко-славянского мира, чаявшего свободы и новой политической, местной и общей, союзной организации» [Там же, с. 281].

Именно в петровскую эпоху были заданы импульсы для развития славянского мира и продемонстрирована историческая роль России как его защитницы. Потомки Петра I лишь продолжали данную линию. В.И. Ламанский отмечал, что «могучий образ Петра, Полтава и Ништадтский мир, Семилетняя война, гениальная деятельность Ломоносова, победы Екатерининских орлов, поход Суворова в Италию и вообще стоянки русских войск в западных славянских землях во время Наполеоновских войн, наконец 1812 г. и новая слава России показали романо-германскому западу, что славянский мир умирать не собирается, а в немецких париях, славянах западных пробудили заснувшее самосознание» [Там же, с. 499].

С другой стороны, поднимая, хоть порой и не намеренно, славянство в османских провинциях, Петр I проводил несколько противоречивый курс, который предполагал активное сближение с германским миром, с теми странами, которые исторически являлись врагами славянства. Альянс с Австрией и германскими государствами был заложен именно в петровскую эпоху и окреп при его потомках. Через дипломатические соглашения и династические браки германский дух все более и более проникал в Россию, делая фактически невозможным решение славянского вопроса. Во второй половине XIX в. многие консерваторы (Р.А. Фадеев, К.Н. Леонтьев, Ф.И. Тютчев) указывали на то, что вовсе не Османская империя является главным врагом славянства, а Австрия. С их точки зрения, союз с Австрийской империей и проавстрийский вектор российской политики не давали возможности освободить и объединить славян. Препятствия российским действиям, чинимые австрийцами при любом правителе, мешали решить проблему южного славянства, Молдавии и Валахии.

Кроме Австрии, Р.А. Фадеев указывал на враждебность Пруссии. Генерал-майор был уверен, что, закончив объединение германских территорий, превратившись в империю, Пруссия будет преследовать общегерманские цели и интересы и не допустит лидерства России в славянском мире. Резюмируя свои размышления о возможности союза с Германией, Фадеев писал, что «главный враг наш никак не западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями» [Фадеев, с. 361]. Славянский и германский элементы, отмечал он, на протяжении веков были противоборствующими силами в Восточной Европе и ожидать от них примирения в эпоху общеевропейской напряженности было бы верхом глупости. «Мудрено рассчитывать на союзницу, вынужденную чувством самосохранения быть в большей части случаев соперником и даже врагом своего союзника» [Там же, с. 324]. Сближение Петра I с германским миром не принесло России желаемого: решения Восточного вопроса и объединения славянства. Союзы с Австрией и Пруссией скорее носили временный характер, отвечали сиюминутным международным условиям, но не способствовали реализации геополитических задач.

Кого же Россия могла бы считать своим союзником? Р.А. Фадеев писал о том, что Россия обречена на одиночество в мире: «нам нечего обманывать себя в значении какого бы то ни было союза с Европой. Положительные, исторические русские интересы такого свойства, что для их осуществления никто не протянет нам руку охотно» [Там же, с. 326]. Перебирая одного за другим возможных союзников России еще с петровских времен, военный публицист приходил к выводу о невозможности сколько-нибудь прочного союза ни с одной из западных стран.

Обращают на себя внимание слова Р.А. Фадеева: «...от России ни в коем случае не зависит создать союз; нас слишком остерегаются, наш почин возбудит недоверие даже тех, кому выгодно стать рядом с нами. Россия может только пристать к одному из двух лагерей, на которые со временем делится Европа. Не владея почином, трудно направлять события» [Там же, с. 328]. Россия, фактически вступившая в Европу при Петре I, встретила с уже сложившимися противоречиями, комбинациями и дипломатическими традициями. Российскому государству предстояло принять новые для себя правила, не имея возможности их изменить. Возможно, поэтому «против исторического развития России... стоит вся Европа» [Там же, с. 318], не согласная мириться с новой геополитической силой, ломающей систему европейского баланса.

Нельзя не согласиться с мнением С. Хантингтона, отмечавшего, что начиная с XVI в. формирующиеся государства Запада «представляли собой многополюсную международную систему в пределах западной цивилизации. Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны против друг друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации...» [Хантингтон]. Россия же практически не участвовала в этом процессе, поэтому, когда при Петре I она вошла в систему международных отношений, то вынуждена была действовать в определенных рамках. Вполне объяснимо, что в этих условиях российский император искал союзников в тех или иных вопросах. Но войны XVIII — первой половины XIX вв. показали, сколь эфемерны были союз с Австрией, а главное, те выгоды, которые Россия рассчитывала извлечь из данного альянса.

К.Н. Леонтьев с воодушевлением писал: «...конец петровской Руси близок... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв!» [Леонтьев, с. 268]. Притом консервативные мыслители чаще упрекали в германо- или австрофильстве даже не самого Петра I, а его потомков, которые не смогли сочетать сближение с Западом и сохранение национальной самобытности во внешнеполитическом курсе.

Петр I, по мнению консерваторов, не был настолько увлечен западными культурой и традициями, чтобы забыть о собственных национальных интересах, и иностранцы, которых приглашал император, служили именно российским интересам. Сближаясь с Западом, Россия укреплялась, перенимала достижения европейской науки и техники для роста собственной военной мощи, что дало возможность «с громом Полтавской победы» войти «в политическую систему тогдашней Европы, не спрашивая ее соизво-

ления, не ища ее покровительства. У России тот же час старые великие державы стали заискивать, домогаться ее союза и помощи» [Ламанский, с. 820].

Кстати, В.И. Ламанский предупреждал славянские народы, что, тяготея к Западу, они должны руководствоваться именно опытом России, и в частности Петра I: «Мы, русские, на себе испытали, в прошлом особенно столетии, что значит это умственное подчинение восточного славянства Западной Европе. Но какая громадная разница между Россией Петра Великого и его ближайших преемников и между Сербией короля Милана Обреновича или Болгарией князя Александра Батенберга!» За столетие изменилась и сама Европа, начавшая использовать разнообразные методы — от «свободных капиталов», «системы кредита» до «железных дорог, пароходов и телеграфа», а также «наступательные средства культурного порабощения стран малых и неразвитых» [Там же]. Ламанский отмечал, что Россия Петра I существенным образом отличалась от «слабой и малой Сербии Обреновича или... малой и слабой Болгарии Батенберга», вследствие чего и отношение западных стран к сербам и болгарам будет иным.

По словам Н.Я. Данилевского, «все войны до Петра велись Россией за собственное существование — за то, что в несчастные времена ее истории было отторгнуто ее соседями». Ситуация изменилась лишь при потомках императора: Россия, вступая в те или иные союзы, все чаще помогала своим временным «друзьям», а не отстаивала собственные интересы. «Первая война, которую она вела не с этой целью и которой, собственно, началось ее вмешательство в европейские дела, была ведена против Пруссии» [Данилевский, с. 53].

Достаточно позитивное отношение консерваторов к внешнеполитическому курсу Петра I можно объяснить тем, что в своем движении в сторону Запада, российский император руководствовался лишь практическими целями и не забывал о наличии у России национальных интересов, которые лежали в плоскости не общеевропейских задач, а собственных геополитических, экономических и стратегических установок страны. «Мысль преобразователя была — просветить Россию умом Европы, но в делах внешних действовать самостоятельно, в государственном интересе России» [Гильфердинг, с. 284].

Следующая особенность, которую подмечали консервативные мыслители, — преемственность внешнеполитического курса Петра I.

Основные внешнеполитические задачи России, по мысли консерваторов, были поставлены еще во времена Средневековья и Московского Царства, отчасти решены Петром и «завещаны» наследникам. В рамках этой концепции внешняя политика России не является ответом на сиюминутные вызовы, она последовательна и берет свое начало во времена становления российской государственности. Неудивительно, что и Петра I, при всей радикальности его преобразований, консервативные мыслители воспринимали как продолжателя традиции.

По сути, те внешнеполитические задачи, которые пытался решить российский царь, были непосредственным образом связаны с историей как Киевской, так и Московской Руси-России. Те же задачи оставались первоочередными для российского внешнеполитического ведомства в последующие эпохи. Речь идет о выходе к незамерзающим морям и стабильном удержании прибрежных территорий, о решении Восточного вопроса, тесно связанного с геостратегическими, экономическими интересами России, с вопросами безопасности и, конечно же, со знаменитой теорией старца Филофея «Москва — Третий Рим». По наследству Петру достался и славянский вопрос, а также связанная с ним польская тема. И хотя принято считать, что данные аспекты внешней политики отчетливо проявились и стали частью международной повестки лишь во второй половине XVIII — начале XIX вв., однако, например, М.П. Погодин доказывал, что именно с петровских времен славянство начинает подниматься, почувствовав силу и опору России.

Рассуждая о трансформации международного положения России в начале XVIII в., российские консерваторы писали, что при всех достижениях Петра I на дипломатическом или военном поприще его курс был преемственным по отношению к предшественникам. К примеру, Россия участвовала в Северной войне, решая давнюю геостратегическую задачу — обретение выхода к незамерзающему морю, к торговым артериям, возможности защиты своих северо-западных рубежей. М.П. Погодин, анализируя причины Северной войны, писал: «Скажут, жила Россия без берегов почти тысячу лет! Жила, пока все соседи заняты были дома, пока они оставались вдали от нее и не могли еще простирать на нее своих видов. Обстоятельства переменяются, теперь и Китай недалеко от Англии. А покорение берегов, то есть присоединение Лифляндии, стоило Петру Великому двадцатилетней войны, которая была почти главной задачей всей его жизни, первой заботой от осады Нарвы до Ништадтского мира и окончилась только за четыре года перед его кончиной. Сколько мер и распоряжений соединено было с этой тягостной и решительной войной? Впрочем, и эта мысль, мысль о покорении Лифляндии, досталась ему также по наследству от его предков, которые по какому-то удивительному предчувствию (заметному часто в истории государств и наук) были особенно ей привержены; припоминаю о двадцатилетней войне Иоанна Грозного, который только в очаровании своего болезненного страха уступил ее Баторию; припоминаю о глубокомысленных мерах и усилиях Бориса Годунова и, наконец, о походе в царствование Алексея Михайловича. Следовательно, Петр Великий был здесь только деятельным, счастливым совершителем предприятия, замышленного, может быть, и без дальних видов, его предками» [Погодин, с. 711].

Необходимо отметить, что под преемственностью некоторые отечественные консерваторы понимали и еще один важный аспект: достигнутое Петром I часто становилось возможным благодаря той экономической и военной базе, тому положению, которого добились или создали его предшественники. «Петровское государство побеждает с силами еще допетровской России», — писал К.С. Аксаков, а «все внешние дела Петра и его преемников... совершены силами той России, которая возростала и окрепла на древней почве...» [Аксаков, с. 469]. Разрушение данной традиции, по мнению К.С. Аксакова, было чревато ослаблением России.

В отличие от внутренней, внешняя политика Петра I демонстрировала приверженность традиции, следование курсу, заложенному в предшествующие эпохи, что и предопределило одобрение со стороны народа, высоко оценивавшего деятельность царя именно за реализацию национальных задач и интересов. Положение страны на международной арене трансформировалось, но речь не шла о радикальной смене внешнеполитических целей.

Этой особенностью можно объяснить и актуальность геополитических установок петровской эпохи в свете современной международной полемики. Как справедливо заметил президент В.В. Путин, «цели нашей внешней политики имеют стратегический, неконъюнктурный характер и отражают уникальное место России на мировой политической карте, ее роль в истории, в развитии цивилизации» [Путин, с. 118]. Мысль, высказанная в начале XXI в., по сути является продолжением того видения международной роли России, которое сложилось в рамках консервативного дискурсивного поля XIX в. благодаря детальному анализу основ российской внешней политики, в том числе петровского времени.

Таким образом, преемственность и национально ориентированный курс — это, своего рода, две константы внешней политики Петра I, на которые указывали консерваторы XIX в. Именно эти принципы внешнеполитического курса помогли стране стать полноправной силой на европейской арене, устанавливая свои правила и следовать собственным интересам.

С точки зрения международного положения России, петровская эпоха — это, по мнению консерваторов, время активного включения страны в мировую повестку, в процесс формирования этой самой повестки. Как отмечали историки, Петр столкнулся с серьезной проблемой — вхождением в Европу, где уже сложились определенные союзы, противоречия, система центра и периферии. Однако в этом сложном пространстве он сумел не просто заявить о себе, но и занять ведущее положение.

Петром I были обозначены и начали решаться многие геополитические задачи, которые впоследствии перешли по наследству следующим поколениям. В отечественном консервативном дискурсе XIX в. с его именем связывалась постановка вопроса о присутствии и роли России на Балтике и в Черном море, о судьбе славянства, о будущем Османской империи, о степени и характере взаимодействия с Западом. Нередко консерваторы отмечали, что если у Петра хватало воли и решимости в процессе сближения с Западной Европой позиционировать себя равноправным партнером, то правители XIX в. подобные качества растеряли, и, «не сходя с пути, по которому она следовала с Петра, Россия перешла в направлении диаметрально противоположное тому, которое она приняла под рукою великого преобразователя» [Гильфердинг, с. 284]. Огромной исторической заслугой первого российского императора было то, что он сумел определить и утвердить место России в меняющемся европейском пространстве, заявить о наличии у нее собственных геополитических устремлений, трансформировать внешнеполитический курс страны, сохраняя преемственность по отношению к ключевым задачам, поставленным его предшественниками.

Литература

- Аксаков И.С. О «Записке» К.С. Аксакова, поданной императору Александру II // Отчего так не-легко живется в России? М. 2002.
- Арсланов Р.А., Линькова Е.В. Страны Запада и их внешняя политика в восприятии российских консерваторов и либералов XIX века. М. 2018.
- Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство. М. 2009.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. 2011.
- Консерватизм в России и мире. В 3-х ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж. 2004.
- Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М. 2010.
- Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М. 2010.
- Линькова Е.В. Внешнеполитическая концепция российских консерваторов XIX века. М. 2021.
- Линькова Е.В. Внешнеполитический курс Николая I в оценках отечественных консерваторов первой половины XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 1. С. 17–24.
- Павленко Н.И. Михаил Погодин. М. 2003.
- Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух. М. 2011.
- Путин В.В. «Россия сосредотачивается, собирается с силами — и достойно отвечает на любые вызовы». Авторские статьи. 2012 год. М. 2012.
- Репников А.В. Русские консерваторы о природе и сущности самодержавного государства и власти // Перспективы. 27.11.2008. — URL: perspektivy.info/book/russkie_konservatory_o_prirode_i_suschnosti_samoderzhavnogo_gosudarstva_i_vlasti_2008-10-27-11-52.htm (дата обращения: 24.11.2021).
- Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М. 2014.
- Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. 2010.
- Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 3. М. 2003.
- Фадеев Р.А. «Мнение о восточном вопросе» // Наш военный вопрос. Военные и политические статьи. СПб. 1873.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. 2003. — URL: modernlib.ru/books/hantington_samyuel/stolknovenie_civilizaciy/read_1 (дата обращения: 24.11.2021).
- Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М. 1999.
- Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М. 2007.
- Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6, С. 86–96.